

САТИРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ПРИЁМЫ В ПОЭЗИИ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С САТИРОЙ В. В. МАЯКОВСКОГО

Н. Я. Сипкина

SATIRICAL IMAGES AND TRICKS IN R. I. ROZHDESTVENSKIY'S POETRY
IN COMPARISON WITH V. V. MAYAKOVSKIY'S SATIRE

N. I. Sipkina

В статье прослеживается один из аспектов творчества Р. И. Рождественского: его обличительные стихи в сопоставлении с сатирическими произведениями В. В. Маяковского. Исследуются и типизируются сатирические приёмы художественного изображения, которые были характерны для обоих художников: сарказм, гротеск, гипербола, фантастика, аллюзия, метафора, аллегория, перифраз, ирония и др. На основе анализа в разоблачительных стихах и поэмах Р. Рождественского прослеживаются традиции поэта «серебряного века» и новаторство Рождественского-обличителя.

В ходе исследования доказывается, что сатира В. В. Маяковского и Р. И. Рождественского органически входит в их концепцию эстетического идеала, в их личное отношение к миру и людям, утверждавшую новые духовные ценности современного для поэтов общества. В пародийно-сатирическом творчестве Р. И. Рождественского к элементам сатиры и лирики присоединилась еще высокая патетика, «питавшаяся» верой в лучшее.

The paper traces one aspect of R. I. Rozhdestvenskiy's works, namely his accusatory poems, in comparison with Vladimir Mayakovskiy's satirical works. The satirical techniques of creating artistic images that were common for both authors are researched and classified, they are: sarcasm, grotesque hyperbole, fantasy, allusion, metaphor, allegory, paraphrase, irony, etc. Based on the analysis, the traditions of the poet of the "Silver Age" and the innovations of Rozhdestvenskiy as an accuser are traced in accusatory verses and poems by R. Rozhdestvenskiy.

The study proved that Mayakovskiy's and R. I. Rozhdestvenskiy's satires are organic parts of their concept of aesthetic ideals in their personal relationship to the world and the people, setting new spiritual values of the poet's contemporary society. In mock-satirical works by R. I. Rozhdestvenskiy the elements of satire and poetry are accompanied by high emotionalism, "fed" by the best faith.

Ключевые слова: сатира, сатирические приёмы, сарказм, гротеск, гипербола, фантастика, аллюзия, метафора, аллегория, перифраз, ирония, пародийно-сатирическое творчество, обличительные стихотворения.

Keywords: satire, satirical techniques, sarcasm, grotesque, hyperbole, fantasy, allusion, metaphor, allegory, paraphrase, irony, parody, satire creativity, accusatory poem.

Творчество Р. И. Рождественского – важная часть историко-литературного развития, совпадающая и, в какой-то мере, определяющая общий ход развития русской поэзии 1950-х – 1990-х гг. Можно, с уверенностью констатировать следующий факт – жизнь лирики Р. И. Рождественского продолжается и после физической смерти поэта (август 1994 г.) – уже в наше время – в первом и в начале второго десятилетия XXI века (только с 2000 – 2012 гг. было издано и переиздано 19 сборников его стихов) [12]. Поэтому изучение творчества Р. И. Рождественского является актуальной проблемой в отечественной литературной науке. Новизна исследования заключается в том, что впервые подробно анализируется сатирическое направление стихотворений и поэм Р. И. Рождественского в сопоставительном аспекте.

Р. И. Рождественский в своём сатирическом творчестве продолжил традиции поэта-сатирика В. В. Маяковского. Время, в котором жили поэты, чем-то схоже. Сатира В. В. Маяковского высмеивала и обличала то, что мешало, по его мнению, развитию общества нашего государства в первой четверти XX века. Р. И. Рождественский стал известен, в первую очередь, своими сатирическими произведениями в самом начале хрущевской «оттепели» (вторая половина 1950-х гг.), когда начинались перемены, наступало обновленное время, после тоталитарного режима Сталина.

Нет, наверное, того отрицательного явления, которое не попало бы под «увеличительное стекло» В. В. Маяковского. Поэт сфокусировал внимание на разоблачении неблагоприятных типажей: «нового буржуа», «хулигана», «обывателя», «сплетника», «ханжи», «развратника», «пьяницы», «лодыря», «очковтирателя», «бракодела», «бюрократа», «труса» и т. д. Р. И. Рождественский отобразил в стихах сатирического характера негативные явления и раскрыл отрицательные образы «псевдоискусствоведа», «пустомечтателя», «стукача», «псевдосудьи», «охотника за высокими словами ради своей личной выгоды», «мещанина с грязным шепотком», «человека, боявшегося говорить правду», «убийцу своего времени», «стыдливого приспособленца», «иждивенца, красиво живущего на деньги своих родителей», «поклонников импортных тряпок», «человека, который хочет сам себя уничтожить», «перестраховщика», «избалованного родителями ребенка», «подлеца», «частного государственника» и др.

В. В. Маяковский использовал в своих сатирических произведениях фантастические сюжеты, гротеск, Р. И. Рождественский актуализирует значение тех или иных фраз, которые стали инертными из-за частого употребления к месту и не к месту, по поводу и без повода, потеряв при этом свежесть восприятия.

Политическая в своей основе сатира В. В. Маяковского проникает в сферу быта, нравственности,

эстетики. Сатирические произведения Р. И. Рождественского имеют нравственный характер, вторгаются в сферу эстетических и идейных ценностей. Как и у В. В. Маяковского, в сатирических произведениях Р. И. Рождественского с виду безобидные вроде бы люди превращаются в граждан, которые мешают продвижению общества к новой жизни.

В сатире В. В. Маяковского звучит смех. Он любил смеяться, умел рассмешить. Многие мемуаристы отмечают, что Маяковский был легендарно остроумен и слыл находчивым полемистом своего времени. Этот врожденный талант помог ему в искусстве слова.

О чувстве юмора Р. И. Рождественского мы узнаем из воспоминаний его современников. Например, А. Д. Дементьев вспоминает: «Р. Рождественский никогда не терялся в сложных ситуациях, остроумие помогало ему выходить из любых ситуаций. Я всегда обращал внимание на то, что Роберт был человеком своего юмора, такого «рождественского» юмора, своеобразного, всегда неожиданного. Он умел над собой подтрунивать, и когда подтрунивал над другими, это было не обидно, потому что юмор был добрый, и все видели, что он и над собой может подшутить» [2, с. 357].

Л. А. Аннинский в статье «Зона. Незабвенная шестая часть Земли» (2002) писал: «Р. Рождественский – прекрасный пародист, что признавали самые непримиримые критики в момент лютой борьбы с ним» [1, с. 528].

А. И. Приставкин утверждал, что Р. И. Рождественский умел иронизировать: «Так о литературной элите говорил иронично: «Понастроили заборов, закупились в глуши, что ж вы, братцы-инженеры человеческой души?!» [6, с. 63].

В. В. Маяковский хорошо знал силу смеха, широко пользовался различными формами комического: сарказмом, иронией, насмешкой, остротой. Он пользовался юмором как одним из профилактических средств, способных предотвратить опасность того или иного отрицательного явления. Его сатира окрашена любовью и великой ненавистью. Современники, знавшие поэта, отмечали, что В. В. Маяковский был добрым человеком. «Громада любовь» Маяковского порождала гнев доброго человека, оскорбленного в самых возвышенных и чистых чувствах. Брюзжание, злобное раздражение были чужды В. В. Маяковскому. В сатире Маяковского, как и в его лирике, отразился характер поэта, его личность.

В. В. Маяковский всегда обрушивал свой гневный смех на конкретных и главных носителей зла, вскрывая их социальную сущность, вынося им беспощадный общественный приговор. Он говорил: «Что касается прямого указания, кто преступник, а кто нет, у меня такой агитационный уклон, я не люблю, чтобы его не понимали. Я люблю до конца сказать сволочь». «Пока сволочь есть в жизни, я её в художественном произведении не амнистирую» [5, с. 505] – так прямо и откровенно заявил поэт о «предмете» своей сатиры, о её направленности и видел в этом главную заслугу своих произведений.

Эти настроения отразились в наиболее известных сатирических стихотворениях («Прозаседавшиеся»,

«Бюрократида», «О Мясницкой, о бабе и всероссийском масштабе», «О дряни», «Взяточник» и др.).

Во второй половине 1920-х гг. в творчестве В. В. Маяковского значительное место занимает сатира. Центр внутреннего конфликта того времени заключался в противоречии между величию поставленных и осуществляемых задач, с одной стороны, и нищетой, как материальной, так и культурной – с другой. Сатирические стихотворения этого периода В. В. Маяковский публиковал в журнале «Крокодил». В них продолжает развиваться главная тема – разоблачение мещанства и обывательщины в современном ему обществе. Принципиальным отличием темы мещанства этих лет, по сравнению с его сатирой начала 1920-х гг., является то, что, кроме явных врагов и противников, основной мишенью сатиры являются люди, жившие в своем мелком мире. Тема мещанства здесь Маяковским ставится шире, сатира его охватывает круг значительных и опасных, хотя не столь очевидных явлений. На смену «дряни», пришло «дрянце», «пошное, мелкое, маленькое дрянце». Оно не только подновило «житишко, предназначенное на слом», но приспособилось и осело «странной разновидностью». Эта обывательщина грозит засосать молодежь тем, что невидимо, «тихо стираются грани, отделяющие обывателя от дряни».

Опасения В. В. Маяковского не были напрасны, через тридцать лет Р. И. Рождественский отмечает подобные явления в фельетоне «О временно прописанных» (1953), где главной темой становится обличение мещанства в быту, общественной жизни и в любви у молодёжи. Причина этих явлений видится поэту в лености ума некоторых представителей молодого поколения. И он развенчивает, делает неинтересными обывательские идеалы и представления. Главному герою фельетона – Жоржу – лень учиться. Он «тушит окурки о рояль» и жалуется: «*А что осталось? / Кинуть грамм полтораста горькой. / А потом с подружками дошлыми / прошивнуться по улице Горького. / Мостовую помять подошвами; / Модным шарфом укутать горло. / Дефилировать, встречным кивая...*» [11].

А его подруга – Аллочка – где-то училась, что-то оканчивала, забросила свой диплом и стала вести «светский» образ жизни – вечеринки, гулянки, пьянки. Теперь у нее одна цель – выйти замуж повыгоднее, чтобы у мужа была и квартира, и машина, а подружки стали завидовать.

Поэт обличает пустой и губительный образ жизни Жоржиков и Аллочек: «*Проходят они / с ярлыками транзитными. / Спрятав в кармане ручки. / Такие живут на земле паразитами, / придатками / к модным брючкам!*» [11].

Эволюция в сатире В. В. Маяковского затронула и сквозную тему – бюрократизм. Если в начале творческого пути бюрократ – это преимущественно старого закала чиновник, то в конце двадцатых годов, он усиливает внимание к бюрократам «новым». Бюрократизм изображается В. В. Маяковским как проявление мещанства, перерожденного в карьеризм («Помпадур»). Заостряя внимание именно на том, как ведет себя каждый человек в большом коллективе, поэт борется против безгеройства и псевдогероизма («Трус»,

«Подлиза»), не говоря уже о сатирах, в которых Маяковский воюет против мещанского устранения от социальной борьбы («Стихи не про дрянь, а про дрянцо»), «Идиллия» и др.).

В. В. Маяковский говорил: «Политическая идея – борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы...» [5, с. 434].

С тематикой бюрократизма и перестраховки в сатирических стихотворениях В. В. Маяковского перекликаются зарисовки Р. И. Рождественского «Сатира о сатире» (1953) и «К вопросу о перестраховке» (1955), разоблачающие бюрократов, волокитчиков в сфере литературных чиновников и угодничество в среде писателей. Так, в стихотворении «Сатира о сатире» одному редактору сразу нужны «Гоголи», «Щедрины». Лирический герой стихотворения спрашивает: «А ваша как фамилия?», на что получает гневный ответ: «Сатира?! Снова! Мы работаем, так сказать. А вам хаханьки, да? Смешно вам?! Обличители! Воображают себя Михалковыми!» [14, с. 53]. В другом кабинете читали, видно, что понравилось, но взвесив все «против» и «за» ставят вердикт: «Сатира... нужна, / конечно... / Но вы бы писали басни. / И вам... и нам безопаснее» [14, с. 53].

В стихотворении «К вопросу о перестраховке» высмеивается писатель, который легко изменяет название своего произведения из-за сомнения и «внутреннего опасения». Один поэт придумал песню с названием «Про луну», хотел в газету отнести, но его взяли сомнения: «А вдруг у редактора лунная болезнь? Тогда это нехороший намек». Поэт рисковать собой не мог и исправил название «Про камни». Р. И. Рождественский иронизирует: «Считая, / что не на что больше пенять / и что печатание обеспечено... / А я бы советовал камни / снять... / Вдруг у редактора камни / в печени» [13].

В своих сатирических стихах Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский, показывал актуальные проблемы современного для него общества, например, боязнь, сказать правду: «Научили человека / разговаривать. / Разрешили: / «Что хочешь, говори»... / Он открыл / было / рот. / И вдруг опомнился: / «Это что ж? / Так вот / Взять / и сказать?!»... / «Скажешь / что-нибудь этакое – / и здравствуйте / и доказывай, / что ты не верблюд!» [7].

Р. И. Рождественского связывает с В. В. Маяковским («Передавая передового», «Протекция», «Даёшь изячную жизнь...») и др.) воинствующий эстетизм, стремление снизить высокие поэтические образы, если они наигранны и неестественны, демократизировать язык.

Общим для поэтов был прием выделения физиологической или физической детали, которая перерастает в самодовлеющий образ. Например, в одной из глав поэмы «Письмо в ХХХ век» (1963), Р. И. Рождественский предполагает, что «Коммунизм» в третьем тысячелетии – «большая Жралья» / Сплошной / желудочно-кишечный тракт?! / Неужто вы / едою одержимы! / Добавочными ужинами / бредите? / Работают / серьезные машины. / А вы тупеете? / А вы жиреете?!» [10, с. 65].

В стихотворении «В клубе миллионеров» (1965) демонстрируется нищета духовного мира американских миллионеров, детали красивой фигуры выбранной «королевы вечера» преподносятся как кусок мяса на рынке: «Выверена, / вымерена, / выхолена вся! / ... Белое тело, / роскошное тело... / По чем / берешь / за килограмм?» [9, с. 235].

Физическая деталь – бицепсы – довлеет в стихотворении «Американский футбол» (1965). Американские спортсмены изображены с помощью гротеска – преувеличения роста и силы футболистов (автором используется образ-троп – сравнение): «тяжелые как башины», «округлые как слоны»: «Такой снесет / не ноя / рояль на пятый этаж. / Такого встретишь ночью, – / сам / часы отдашь...» [9, с. 236].

Как и для В. В. Маяковского («Трус», «Подлиза», «Повальная болезнь», «Идиллия» и др.), для Р. И. Рождественского характерен в сатирических стихотворениях прием снижения высоких сюжетов и образов. Например, в стихотворении «Песня» (1962) концертная атмосфера, исполнение песни певцом-тенором изображаются при помощи использования «сниженной» лексики, чтобы показать негативное отношение к формальному исполнению произведения: дирижер – «лысый демон», «тенор песней горло полоскал», «нежно мямлит», «томно заывает». Уменьшительные-ласкательные слова «глазки», «ручки» имеют отрицательное значение. В стихотворении «Парни с поднятыми воротниками» (1965) показан негативный образ легкомысленных девушек: «девочек – целые стада». В стихотворении «Стыдливые» (1962) «срывается» маска стеснительных, за которой скрываются трусость («стыдно защитит слабого»), подхалимство («стыдно не хвалить тщеславного»), равнодушие и приспособленчество («ни плохого не делает, ни хорошего», «совестно сказать глупому, что он глуп»). Автор разоблачает таких «стыдливых»: «Добрые / других не укоряющие, / милые, / стеснительные вечно, / удобные, / со стыда сгорающие, / люди-людюшки. / Человечки» [9, с. 122].

Литота – в словах «людюшки», «человечки» помогает раскрыть презрение и негодование поэта.

Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский («За что боролись?», «Осторожный марш», «Пиво и социализм», «Пример, не достойный подражания. Тем, кто поговорили и бросили» и др.), стремился активно вмешиваться в жизнь, не пройти мимо, а перестроить её на основе подлинной человечности. У Р. И. Рождественского также ярко и образно проходит через все сатирическое творчество Р. И. Рождественского тема мещанства и обывательщины.

Так, развенчивается лицо мещанина в главах застолья поэмы «Моя любовь». Для участников «гулянки» главное не душевные качества поэта, а его зарплата. Образ жизни обывателей не подходит главному герою поэмы, и он восстает против него: «За уютом портьер и штор, / очень тихо они живут. / В меру подленькие, / в меру умные. / Спешат проторенной дорожкой» [10, с. 24 – 25].

Не приемлемы автору и обывательские голоса, осуждающие современную молодежь: они были «лучше», «не ходили в обнимку», «так не танцевали», «так неприлично» и так далее, но поэт резко обрывает

эти разговоры – решительно и беспрекословно: «Надымили! / Наптели! / Все советы оборви. / – Сами / мыкайтесь в любви! / Вы, / которые / на «мы»!» (Я и мы, 1966) [9, с. 367].

Надо сказать, что в поэме «Опять на станции Зима» (1965) Е. А. Евтушенко – сотоварища Р. И. Рождественского по поэтическому поколению – также подвергаются критике и «сверхличности» в лице партийных руководителей, которые берут на себя роль судей поэтических творений – маяковские «помпадуры». «Автор сатирически рисует облик этого «некто», который сидел «мрачно и набухло», слушая чтение стихов, «выражая гримасой кисло» свои впечатления: «И после вечера тот некто / уже при шляпе для комплекта / себя представил у крыльца» [4, с. 257]. Схожий мотив в «Сказке о добром Джине» (1973) Р. И. Рождественского. На искреннее пожелание Джинна «творить добро» «безвозмездно», «сильный мира сего» «сказал сурово» (автором используется художественный приём иносказания): «– Нет закону, / чтоб добро творили / просто так!» [15, с. 298].

Образ мелких жён-мещанок раскрывается в стихотворении «Королева пляжа» (1966). В женщинах пропала красота, легкость, аура божества, истинное предназначение женщины – умение вдохновлять мужчину на благородные, рыцарские поступки. Поэтому они не хотят воспринимать чудо природы – «королеву пляжа» – прекрасную девушку: «Вздрагивали жены, / будто чуя / недруга! / Едины и усердны, / расставляя крылья, / как наседки...» [9, с. 384].

«Лицо» обывательщины проступает и в стихотворении «Аркадию Райкину» (1962). В зал «на знаменитого артиста» собрались разные люди: «Вот эти – / которые в третьем... / Они от безделья лечатся, – / на прочее им наплевать – / они пришли поразвлечься, / животики надорвать» [9, с. 121].

Проясняется «лицо» еще одного «негодяя»: «А вот / ожидая шуток, – / самодовольства полон, – / сидит / почтеннейший жулик, / который пока / не пойман» [9, с. 121].

Основной прием сатиры Р. И. Рождественского, характерный и для сатирических стихотворений В. В. Маяковского («Четырёхэтажная халтура», «Фабрика бюрократов», «Бумажные ужасы» и др.), – гиперболизация. Он рассматривает мещанство во всей его сущности: все изъяны его «души» и «тела» кажутся поэту отвратительными и неумирающими, не зря в «Поэме о разных точках зрения» (1965) Р. Рождественским рисуется фантастическая картина будущего человечества, когда «мещанин» побеждает «романтика», и на планете «вместо светочей ума», «встанут Эвересты» «дёрма» «мещанина».

Характерен для обоих поэтов и прием иронического иносказания. У В. В. Маяковского ирония и самоирония звучит во многих стихотворениях второй половины 1920-х гг., например, в таких стихах, как «Перекопский энтузиазм!», «Итоги», «Мрачное о юмористах», «Вонзай самокритику» и др. У Р. И. Рождественского в стихотворении «Париж, Франсуазе Саган» (1962) фраза «ответьте, пророк» слово «пророк» имеет ироническое значение, так как французская писательница, по мнению автора, стала «знаменем» неверия и порока. Ирония звучит в обращении

поэта к «стыдливый»: «Бедные, / как вы только терпите? / Сколько в вас святой терпеливости» и в слове «искусствовед» во фразе стихотворения «Интересуешься искусством» (1965): «Слушай! / Вытри слюни. / И отойди «искусствовед». Иронический намек на возраст «девушек» слышится в отрывке из стихотворения «Вольф Мессинг» (1965): «Грудасто-необъятные / плывут официантки, / со следами молодости, / далекой, / как царизм» [9, с. 294].

Злой иронией овеяно слово «старикан» в стихотворении «Стихи о Хане Батые» (1966) («А, все-таки ошибся, / старикан»), в это слово автор вложил всю ненависть детей, у которых были убиты родители воинами Батыя.

Ирония у Р. И. Рождественского носит характер и доброй насмешки, как в стихотворении «Приходит врач, на воробья похожий» (1965): «И прыгает смешно перед постелью. / И клювиком выстукивает грудь. / И маленькими крылышками машет. / – Ну, как дела? – / чирикает привычно...» [9, с. 354].

Узнаваемым почерком Р. И. Рождественского становятся стихи, которые носят лирико-сатирический характер. В этих стихах, прежде всего, поэт беспощаден к самому себе. Камнем преткновения становится проверка своего поэтического призвания. Данное сомнение звучит в стихотворении «Рыбаки» (1965), в котором поэтическое творчество Р. И. Рождественский сравнивает с работой рыбаков, «улов», как и у них «иглами ершится»: «Может, скажут: / «Ты ловить не умеешь! / Не всегда тебе / терпенья хватает...» / Нет, поймите, – / мне надоела / мелочь, / мелочь!» [9, с. 135].

Призвание писать стихи – становится для поэта «восторгом, любопытством, усталостью, крепкой силой, пыткой». Иногда начинают в голове «стучаться мысли», что «может быть, и вправду / резона / нет / выводить / корявые буквы», а «лучше заняться делом», по словам мамы, хотя бы добывать нефть: «Пусть бы / где-нибудь у серьезной реки / бригадир, / бровастый как демон, / по ранжиру выстраивая / крутые матюги, / учил бы меня / заниматься делом» [9, с. 363].

В стихотворении «Я не был еще» (1962) также звучит ирония поэта над самим собой. Продолжаются мучительные поиски «самого себя», своего предназначения. Поэту не приемлем легкий путь, его мало интересует «хвала, ругань, уговаривания», так как знает, что «он еще не был, все впереди», поэтому: «...с ухмылкой пристойною, / я слушаю речи застойные, / взгляды ловлю я жадные, / плюю / на злое брюзжание» [9, с. 208].

В. В. Маяковский и Р. И. Рождественского умели извлекать комизм из самых неожиданных явлений. Данная черта просматривается у В. В. Маяковского в комических «откровениях» «Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий», «Стихотворение одержимое», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Нагрузка по макушку» и др. У Р. И. Рождественского, например, комично звучит уже само название стихотворения – «Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Эму Звягину, отечественному пижону» (1965). Комизмом «отдаёт» фразеологизм «убить время» (в одноименном стихотворе-

нии), которому возвращается первоначальный смысл, в результате чего перед читателями разворачивается «детективная история убийства» людьми своего времени, отведенного судьбой и жизнью.

Схожи мотивы в сатирических произведениях В. В. Маяковского («Искусственные люди») и Р. И. Рождественского («Окна, которые нарисованы»), где поэты использовали прием двойного смысла. Р. И. Рождественский, описывая неправдоподобную картину – жизнь нарисованных людей, домов, – подразумевает некоторые черты «людей-автоматов» в современной поэту действительности: «...выпятив бумажные груди, / важно входят / в нарисованные двери, / нарисованные, плоские люди. / Головами нарисовано качают, / на судьбу свою / не слишком в обиде. / На приветствия живых / отвечают» («Окна, которые нарисованы» (1962)) [9, с. 121 – 122].

Некоторые образы у поэтов-сатириков отличаются своей эксцентричностью. Например, в стихотворении «Воюют надписи» (1966) Р. И. Рождественским вырисовываются «плакаты», похожие на людей по характеру и образу жизни: с одного «плаката» смотрит «сытая, лощенная, нахмуренная личность», другой – «как пощечина», следующий – взят «подкупом». Есть и «жертва-плакат» – его убили «нынче ночью, сдирали, будто кожу – заживо». У «плакатов», как и у людей, идет война, «неслышная буквенная война» [9, с. 374].

Вместе с тем, у Р. И. Рождественского в некоторых стихотворениях можно наблюдать сатирические мотивы, характерные уже для современной эпохи художника. Так, в стихотворении «Нервы» (1966) поэтом-шестидесятником разоблачается никчемное существование мира людей. В этой сатирической зарисовке активно используется прием сарказма. Люди своими поступками «прогневали небо» поэтому: «на земле клоочет бешенный ритм», «И от дома к дому / Негагаром / хлещут / валидолы», «Столб не столб – / спешим осатанело» [9, с. 372].

Приём драматизма, вперемежку с сарказмом, отражены и в стихотворении «Рулетка» (1966) Р. И. Рождественского. Поэт образно сравнивает существование мирового сообщества с игрой в «рулетку»: «Собратья? / Нечего грустить, / о брэнной жизни трепаться! / ... Заботитесь? / Ну что ж, / давайте сыграем в заботу, / о дальнейшем / не кручиньтесь, / ...плевать, / что – кто-то одинок, / ждет помощи, / а кто-то / плачет» [9, с. 374].

В «игре» «сильных мира сего» над судьбами людей ставится ставка на совесть, бросаются «человеческие кости». Поэт сравнивает существование человечества с азартной игрой: «(Мир) сияет сквозь ночь, как будто / шарик от рулетки». Для данного стихотворения характерен приём иносказания и контрастного изображения – «хозяев жизни» (крупье, бармен) и игроков, завлекаемых в эту «адскую» игру-рулетку, теряющих своё истинное «я». Из содержания «Рулетки» мы узнаём уничтожающие характеристики «героев» памфлета: крупье – «надменен, спокоен, будто кладбище»; «он стар и это страшно»; бармен – «хитрюга, наливает рюмку чертового сока»; игроки – «калека, превозмогая паралич, привстал с продавленного кресла», «девушка, чтоб не закричать, / пла-

точком / рот закрыла плотно», «интернациональный хлыщ», «нарумяненная дама». Крупье и бармен «навязывают» «обжигающий» образ жизни «игрокам», которые, как бабочки, летят на яркий свет и «погибают».

Е. А. Евтушенко в своих воспоминаниях о Р. И. Рождественском говорит: «У Р. Рождественского было несоответствие грустных глаз с обликом и, совершенно особенным, специфическим, я бы не сказал «черным», но достаточно мрачным юморком» [3, с. 128].

Стихотворение Р. И. Рождественского «Черный юмор» (1984) подтверждает слова Е. А. Евтушенко. В данном произведении мы узнаем мрачные мысли поэта о судьбе самого из удивительных творений на земле – человека. Погибли «бронтозавры», «птеродактили», причину «невеселой» кончины этих древних ископаемых поэт видит в том, что они «заблудились, пошли не туда». Парадоксально звучат действия обобщённого образа «Человека», сидящего на вершине «древа жизни»: «Он мыслитель. / Он хмурит лоб. / Человека идея гложет. / Хочет что-то придумать, / чтоб / самого себя / уничтожить» [8, с. 43].

В стихотворении «Сейчас весна в походе» (1966), используя прием гиперболизации, с постепенным укрупнением метафоры «горение», автор добивается трагикомического эффекта: «Нутро горит, / братишка... / С войны еще / горит...»; «...в горячке / бьется мысль. / Кипит вода в бассейнах / от раскаленных мышц...»; «По улицам шатаемся / весенними кострами!», «Сердечными пожарами / дома / освещены!»; «Горит / на сыне обувь»; «От логик / до туманностей / миры в себя вбираем, / До крохотки, / до малости / сгораем. / Сгораем»; «раскалена / планета. / Аж подошвы жжёт»; «мы все-таки / сгораем! / Горение, / горение – / закон / земного шара» [9, с. 380 – 382].

Приёмом гиперболизации отличается и стихотворение «Жара» (1966), в котором использована одна из форм комизма – остроумие. Игра слов – «жар», «жарко», «жадно», «засыпают – засыхают»; нагнетание согласных звуков «ж», «ц», «щ», «с», «х», «т», «ч», «ф» передают образ нестерпимой жары.

Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский, придавал особое значение концовке своих сатирических произведений, в которую обычно ставил самые значимые строки стиха. Поэт охотно их использует как для осмеяния зла, так и для утверждения положительного идеала. В одном случае концовка рассчитана на полную дискредитацию и оскорбление: «Да здравствует / оглушительная / ненависть к сволочам!» («Аркадию Райкину»). В другом – окончание стихотворения строится по типу афоризма. Поэт стремится придать своей мысли особую весомость и запоминаемость, а фразе – предельную сжатость, ясность и звучность: «А она проходит мимо – / история – / раздавая / трехгрошовые истины...» («Парни с поднятыми воротниками»). В форме критики утверждаются эстетические принципы в изображении недостатков в общественной жизни страны: «Тогда сиди! / Слова родимые долбай! / Хотя б «Дубинушку» / и «Светит месяц». / Учи, / старик!» («Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону»).

Таким образом, В. В. Маяковский и Р. И. Рождественский хорошо знали не только против чего, но и во имя чего пишут свои стихи. Они видели перед собой тех реальных людей, души которых были призваны формировать. Это придало их сатире конкретность и целенаправленность. Р. И. Рождественский, с его стремлением к демократизации, учился у В. В. Маяковского широкому использованию разговорной интонации, снижению «высоких» поэтических образов, осваивал приемы иронического иносказания, выделения физиологической и физической детали, совмещения разных планов: лирического и бытового, сатиры и лирики.

В то же время в основе стихов сатирической направленности Р. И. Рождественского лежит новое миропонимание, качественно отличное и специфическое. Поэт ищет соответствующее словесное выражение, демократизирует лексику. Его сатирические стихи имеют социальную заостренность тематики, в них сочетается воинствующий оптимизм и трагическое восприятие мировых событий. Обличительные стихи Р. И. Рождественского, вобрав опыт поэта Серебряного века, В. В. Маяковского, были качественно новым соединением, превратившимся в своеобразное сочетание лирики, сатиры и героики.

Литература

1. Аннинский, Л. Зона. Незабвенная шестая часть земли / Л. Аннинский // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
2. Дементьев, А. «Извините, что мы немного одеты» / А. Дементьев // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
3. Евтушенко, Е. Мы цапаемся жестко, мы яростно молчим / Е. Евтушенко // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002. – 559 с.
4. Комин, В. В. Он пришёл в XXI век: творческий путь Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. – Иркутск, 2009. – 427 с.
5. Маяковский, В. Выступление на обсуждении пьесы «Баня» 23 сентября 1929 / В. Маяковский. – ПСС. – Т. 11. – М.: Гос. худ. изд-во, 1947. – 540 с.
6. Приставкин, А. Кто же мы такие? / А. Приставкин // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
7. Рождественский, Р. Научили человека разговаривать... / Р. Рождественский // Смена. – 1965. – 10 апр.
8. Рождественский, Р. И. Землю спасти / Р. И. Рождественский. – М.: Известия, 1984. – 48 с.
9. Рождественский, Р. И. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы (1951 – 1965) / Р. И. Рождественский; предисл. Е. Сидорова. – М.: Худож. лит., 1979 – 414 с.
10. Рождественский, Р. И. Семь поэм / Р. И. Рождественский. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 191 с.
11. Рождественский, Р. О временно прописанных: фельетон; («Взбалмошные воробьи чирикали...») / Р. Рождественский // На рубеже. – Петрозаводск, 1953. – № 2. – С. 81 – 84. То же / Рис. Б. Ефимова // Огонек. – 1953. – № 29. – С. 31.
12. Рождественский, Р. Стихотворения. Поэмы. Эссе. – М.: АСТ и др., 2000. – 704 с.; Рождественский, Р. Удостоверение личности // Роберт Рождественский; [сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева]. – М.: Эстепонт, 2002. – 559 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 720 с.: ил.; Рождественский, Р. «Помогите мне, стихи!..» – М.: Хоровод, 2000, 2002. – 248 с.; Рождественский, Р. Мгновения, мгновения, мгновения... – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.; То же. – М.: Эксмо, 2010. – 352 с.; Рождественский, Р. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.; То же. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.; Рождественский, Р. Придет и к вам любовь. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.; Рождественский, Р. Эхо любви: Стихи и песни. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 320 с.; Рождественский, Р. Стихи о любви. – М.: Эксмо, 2008. – 288 с.; То же. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.; Рождественский, Р. Твоя и моя земля. – Барнаул: ПАРАДИГМА ПЛЮС, 2011. – 48 с.; Рождественский, Р. Алёшкины мысли. Стихи для детей. – М.; Минск: АСТ: Астрель: Харвест, 2011. – 30 с.; Рождественский, Р. Мы совпали с тобой. – М.: Астрель, 2012. – 252 с.; Рождественский, Р. «Я жизнь люблю!..». Стихи. Воспоминания. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. – 311 с.
13. Рождественский, Р. Флаги весны: Стихи / Р. Рождественский. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1955. – 89 с.
14. Рождественский, Р. Сатира о сатире («Бодро в руке фельетон зажав...») / Р. Рождественский // На рубеже. – Петрозаводск, 1953. – № 12.
15. Рождественский, Р. И. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2: Стихотворения; Поэмы (1965 – 1977); Песни / Р. Рождественский. – М.: Худож. лит., 1979 – 472 с.

Информация об авторе:

Сипкина Нина Яковлевна – кандидат филологических наук, сотрудник кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 8-923-212-68-89, sipkina.nina@yandex.ru.

Nina Ya. Siphkina – Candidate of Philology, Department of Literature, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2014 г.